**ДЁМИНА
Яна
Валерьевна**

Кандидат экономических наук, старший научный сотрудник

Институт экономических исследований ДВО РАН,
ул. Тихоокеанская, 153,
Хабаровск, Россия, 680042

**DYOMINA
Yana
Valeryevna**

Candidate of science (economics), senior research fellow

Economic Research Institute FEB RAS,
153, Tikhookeanskaya Street,
Khabarovsk, Russia, 680042

yandemi@yandex.com

ORCID: 0000-0001-5208-7273

© Дёмина Я.В., 2021

УДК 339.5+339.9

ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ КНДР: ВЛИЯНИЕ САНКЦИЙ

Статья содержит анализ динамики и структуры внешней торговли КНДР, а также оценку влияния международных санкций на развитие страны. В настоящее время в соответствии с резолюциями Совета Безопасности ООН действуют санкции, предполагающие полный запрет на вывоз из страны основных экспортных товаров, ограничения на импорт нефтепродуктов и использование за рубежом северокорейской рабочей силы. Введение международных санкций и обострение отношений между Севером и Югом оказало значительный негативный эффект на внешнюю торговлю КНДР. До 2013 г. в целом наблюдался положительный тренд, однако, ужесточение санкций и нивелирование торговли с Республикой Корея привели к сжатию экспортно-импортных операций страны. Возможности восстановления внешнеэкономических отношений КНДР и развития сотрудничества с Россией тесно связаны с решением ядерной проблемы и отменой международных санкций.

Внешняя торговля, экспорт, импорт, санкции, КНДР, Китай, Республика Корея, Россия

DPRK'S FOREIGN TRADE: THE IMPACT OF SANCTIONS

The author analyzes the dynamics and structure of DPRK's foreign trade, as well as the impact of international sanctions. Currently, in accordance with UN Security Council resolutions, sanctions include a complete ban on the country's main export goods, restrictions on the import of petroleum products and the use of North Korean labor abroad. International sanctions and the aggravation of the North and South relations had a significant negative effect on the DPRK's foreign trade. Until 2013, there was a positive trend, but the tightening of sanctions and nullification of trade with the Republic of Korea led to the collapse of export-import operations. The possibility of restoring the DPRK's foreign economic relations and developing cooperation with Russia is closely linked to resolving the nuclear issue and lifting international sanctions.

Foreign trade, export, import, sanctions, DPRK, China, Republic of Korea, Russia

Работа выполнена в рамках гранта Президента РФ для государственной поддержки молодых российских учёных – кандидатов наук, проект МК-1111.2019.6 «Трёхстороннее экономическое сотрудничество России, Республики Корея и КНДР: перспективы и препятствия».

Введение

Корейская Народно-Демократическая Республика была провозглашена 9 сентября 1948 г. и недавно отметила свой 70-летний юбилей со дня образования. При этом политическое и социально-экономическое противостояние на Корейском полуострове длится ни одно десятилетие и пока не нашло решения. Проблема денуклеаризации и упрочения мира и безопасности в регионе имеет резонансное значение не только для Восточной Азии, но и для всего мира. Поэтому «корейская проблема» оказалась в тесной зависимости от геополитических интересов таких государств, как США, КНР и РФ.

В 2018 г. намечилось «потепление» в отношениях между Севером и Югом: делегация из КНДР присутствовала на XXIII зимних Олимпийских играх в г. Пхёнчхане (Республика Корея); 27 апреля, 26 мая и 18–20 сентября успешно прошли три межкорейских саммита [12; 15]. Также 12 июня 2018 г. в Сингапуре состоялся саммит КНДР – США, который существенно разрядил международную обстановку и перевёл угрозу военного столкновения в фазу переговорного процесса. Однако стороны не были готовы пойти на взаимные уступки, поэтому испытания северокорейского ядерного оружия не прекратились, а заветные цели – мирное разрешение ядерной проблемы Корейского полуострова, налаживание сотрудничества через снятие санкций и взаимное признание – не были достигнуты.

Целью данной работы является анализ динамики и структуры (товарной и географической) экспортно-импортных потоков КНДР, а также оценка влияния международных санкций на развитие внешней торговли страны.

Международные санкции в отношении КНДР

Первые санкции против КНДР были введены в 2006 г. после успешного испытания ядерного оружия. В настоящее время действуют 20 резолюций Совета Безопасности (СБ) ООН, направленных на финансовую изоляцию КНДР, организацию торговой и морской блокады страны. В октябре 2006 г. была принята резолюция 1718 (2006), в соответствии с которой создан Комитет СБ ООН по санкциям в отношении КНДР (Комитет 1718), а также введено оружейное эмбарго, замораживание активов, запрет на поездки в отношении лиц, причастных к ядерной программе, на поставки предметов роскоши и на проведение КНДР ядерных испытаний или запуск баллистических ракет.

Так как испытания ядерного оружия не прекратились, в последующие годы СБ ООН расширил и ужесточил санкции (резолюции 2094 (2013), 2270 (2016), 2321 (2016), 2345 (2017), 2356 (2017), 2371 (2017), 2375 (2017), 2397 (2017), 2407 (2018), 2464 (2019) и 2515 (2020)). Введённые санкции действуют до 30 апреля 2021 г. и включают следующее:

- эмбарго на поставки оружия и связанных с ним материальных средств;
- нераспространение предметов, имеющих отношение к программам, связанным с ядерными, баллистическими ракетами и другими видами оружия массового уничтожения;
- запрет на поездки включённых в перечень физических лиц;
- утилизация изъятых предметов;
- запрет на перевозки;
- замораживание активов;
- финансовые меры;
- запрет на специализированное обучение и подготовку граждан КНДР по дисциплинам, которые могли бы способствовать ядерной деятельности КНДР или разработке систем доставки ядерного оружия;

- запрет на научно-техническое сотрудничество;
- запрет на поставки угля и минеральных ресурсов и секторальные запреты¹;
- запрет на экспорт конденсата и природного газа в КНДР;
- запрет в отношении всех продуктов переработки нефти²;
- ограничение на поставку, продажу или передачу сырой нефти³;
- запрет в отношении экспорта из КНДР морепродуктов, текстильных изделий;
- запрет в отношении работы граждан КНДР за границей;
- запрет на поставки в КНДР топлива, предметов роскоши, новых вертолётов и новых или бывших в эксплуатации морских судов;
- запрет на поставку, продажу или передачу памятников, независимо от того, является ли КНДР страной их происхождения.

США и их союзниками были также введены «вторичные» расширительные санкции, призванные максимально затруднить экономическое положение КНДР, вызвать массовое недовольство населения и дестабилизировать ситуацию в стране [6; 7]. В частности, американский подход предусматривает возможность применения санкций против КНДР и её контрагентов даже в тех случаях, когда сделки между ними легальны, с точки зрения СБ ООН.

Внешняя торговля КНДР до введения санкций

КНДР делает упор на самостоятельность развития народного хозяйства (чучхе), однако, подобная идеология не исключает внешнюю торговлю. Недопустимой является зависимость от других стран, поэтому государством ставится задача производить основные виды продукции своими силами и лишь те товары, которые невозможно производить самостоятельно, получать через внешнюю торговлю путём взаимного обмена [10; 13]. Как отмечалось выше, первые санкции в отношении КНДР были введены в октябре 2006 г., поэтому в данной работе анализ влияния санкций на экспортно-импортные потоки страны выполнен на двух временных отрезках: 1995–2006 и 2007–2019 гг.

КНДР засекретила и не публикует большую часть экономической статистики с 1960-х гг., поэтому показатели, имеющиеся в открытом доступе, по сути, являются оценками международных организаций или учреждений других стран (например, Республики Корея) и могут сильно отличаться друг от друга [13].

По данным двусторонней торговли государств мира с КНДР, с 1995 по 2006 г. товарный экспорт страны вырос в 2,3 раза – с 1,1 до 2,5 млрд долларов США. Максимальное значение стоимостного объёма было достигнуто в конце рассматриваемого периода, минимальное (1 млрд долларов) – в 2003 г. (рис. 1).

Основные направления товарного экспорта КНДР менялись на протяжении исследуемого периода и составляют около 30 стран. В течение анализируемых 12 лет только три государства

¹ КНДР запрещено поставлять, продавать или передавать: уголь; железо и железную руду; золото; титановую руду; ванадиевую руду; медь; никель; серебро; цинк; редкоземельные минералы; свинец и свинцовую руду; продовольственную и сельскохозяйственную продукцию; машинное оборудование; электрооборудование; землю и камни, включая магнезит и магнезию; древесину и суда.

² За исключением поставок в совокупном объёме до 500 тыс. баррелей в течение 12-месячного периода начиная с 1 января 2018 г. и последующих 12-месячных периодов.

³ Разрешено в совокупном объёме до 4 млн баррелей, или 525 тыс. т, в течение любого 12-месячного периода начиная с 22 декабря 2017 г.

входили в топ-10 экспортных направлений КНДР: Япония, Мексика и Китай. Удельный вес Японии и Мексики к концу периода снизился (с 31,5 до 3,1% и с 18,7 до 2,2% соответственно), Китая, – наоборот, вырос (с 5,9 до 19,0%) (рис. 2).

Рис. 1. Совокупный товарный экспорт, импорт и внешнеторговый баланс КНДР, млрд долларов

Источник: здесь и далее, если не указано иное, рассчитано по данным Конференции ООН по торговле и развитию (United Nations Conference on Trade and Development, UNCTAD). URL: https://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx?sCS_ChosenLang=en (дата обращения: 07.07.2020).

Рис. 2. Доли основных торговых партнёров в совокупном объеме товарного экспорта КНДР в 1995–2006 гг., %

В целом на топ-10 стран приходилось от 71,5% (1999 г.) до 85,5% (2006 г.). Лидирующим направлением экспорта товаров из КНДР в 1995, 1997–2001 гг. была Япония, в 1996 г. – Россия, в 2002–2004 гг. – Китай и в 2005–2006 гг. – Ангола.

Товарный импорт КНДР в исследуемый период вырос в 2,1 раза – с 1,3 до 2,8 млрд долларов (см. [рис. 1](#)). Максимальное значение стоимостного объёма было достигнуто в конце рассматриваемого периода, минимальное (1,1 млрд долларов) – в 1998 г. При этом внешняя торговля КНДР характеризовалась хроническим дефицитом (за исключением 1997 г., когда был достигнут положительный баланс в 24 млн долларов). Основными партнёрами КНДР по импорту являлись около 20 стран ([рис. 3](#)).

Рис. 3. Доли основных торговых партнёров в совокупном объёме товарного импорта КНДР в 1995–2006 гг., %

В целом на топ-10 стран приходилось от 78,8% (1997 г.) до 90% (2001 г.). На протяжении почти всего исследуемого периода (за исключением 2001 г., когда лидерство перехватила Япония) главным поставщиком товаров в КНДР был Китай, удельный вес которого колебался от 20,8% (573 млн долларов) до 44,6% (1,2 млрд долларов).

С 1995 по 2006 г. только три государства входили в топ-10 источников импортных товаров для КНДР: Китай, Россия и Германия. В начале периода Германия занимала более высокие позиции, чем Россия, но к концу периода ситуация изменилась. Доли Германии и России были существенно ниже доли Китая: удельный вес Германии колебался от 2,1% (23 млн долларов) до 8,2% (139 млн долларов), России – от 2,2% (62 млн долларов) до 9,2% (226 млн долларов).

В начале рассматриваемого периода товарная структура¹ внешней торговли КНДР в целом выглядела следующим образом: 29,5% объёма экспорта приходилось на сырьевые товары, драгоценные камни и немонетарное золото, в том числе руды и металлы – 7,8%, топливо – 2,0% (рис. 4). Удельный вес промышленных товаров достигал 69,5%, из которых 27,6% – машины и транспортное оборудование, при этом на детали и компоненты для электротехнических и электронных изделий приходилось 13,9%.

Рис. 4. Товарная структура внешней торговли КНДР в 1995 и 2006 г., %

В импорте также преобладали промышленные товары (53,2%) с долей машин и транспортного оборудования – 18,3%, деталей и компонентов для электротехнических и электронных изделий – 2,4%. Удельный вес сырьевых товаров был значительно выше, чем в экспортных потоках – 42,3%. Среди них на руды и металлы приходилось 3,2%, топливо – 18,5%. Текстильные волокна, пряжа, ткани и одежда составляли 23,2% совокупного товарного экспорта КНДР и 14,1% импорта.

В конце исследуемого периода в товарном экспорте КНДР по-прежнему преобладали промышленные товары, хотя их доля незначительно снизилась (до 66,3%). В импорте их удельный вес существенно сократился (до 37,7%), а доля сырьевых товаров заметно выросла (до 59,3%). В экспорте удельный вес сырьевых товаров слабо увеличился (до 31,4%).

Значительный рост как в экспортных (до 9,2%), так и в импортных потоках (до 35,1%) показал удельный вес топлива, а также руд и металлов – до 10,5 и 7,3% соответственно. Доля текстиля, наоборот, существенно снизилась как в экспорте, так и в импорте КНДР – до 8,2 и 6,2% соответственно.

Таким образом, за период 1995–2006 гг. внешняя торговля КНДР характеризовалась в целом положительным трендом. В географической структуре экспорта лидерство принадлежало Японии, Мексике и Китаю, в импорте – Китаю, России и Германии. В товарной структуре

¹ Анализ проводился по трём укрупнённым группам: сырьевые товары, драгоценные камни и немонетарное золото (из которых выделяются две подгруппы: руды и металлы, топливо); промышленные товары (из которых выделяются «машины и транспортное оборудование», а из них, в свою очередь, – «детали и компоненты для электротехнических и электронных изделий») и текстильные волокна, пряжа, ткани и одежда.

экспорта КНДР на протяжении всего исследуемого периода преобладали промышленные товары, в импорте их доля существенно снизилась к концу периода, уступив первенство группе сырьевых товаров.

Внешняя торговля КНДР после введения санкций

Внешние ограничения, введённые в отношении КНДР, привели к ещё большей зависимости экономики страны от поставок из Китая. Так, по данным двусторонней торговли государств мира с КНДР, за период с 2007 по 2018 г. в топ-10 экспортных направлений страны входили Китай, Ангола, Индия и Бразилия (*рис. 5*).

Рис. 5. Доли основных торговых партнёров в совокупном объёме товарного экспорта КНДР в 2007–2018 гг., %

Однако только КНР находилась в этом списке в течение всего изучаемого периода, кроме того, её доля существенно превышала показатели других стран – среднее значение удельного веса Китая в товарном экспорте КНДР за исследуемый период составило 64,3% (1,7 млрд долларов). Для Анголы, Индии и Бразилии эти значения были равны 11,4% (298 млн долларов), 4,1% (107 млн долларов) и 3,5% (91 млн долларов) соответственно.

В целом на топ-10 стран приходилось от 76,3% (2018 г.) до 94,7% (2017 г.), а совокупный товарный экспорт КНДР упал с 2,7 млрд долларов в 2007 г. до 0,5 млрд в 2018 г. Максимальное значение стоимостного объёма (3,7 млрд долларов) было достигнуто в 2013 г., минимальное – в конце периода (см. *рис. 1*).

Товарный импорт КНДР характеризовался крайней нестабильностью: в исследуемый период его объём колебался от 4,4 млрд долларов в 2013 г. до 2,4 млрд в 2018 г. (см. *рис. 1*). Ужесточение санкций хоть и сократило импорт (на 23% по сравнению с началом периода и на

31% по сравнению с 2017 г.), но его падение не было столь стремительным, как в случае экспорта. При этом сальдо торгового баланса было отрицательным в течение всего исследуемого периода, достигнув рекордных 1,9 млрд долларов в 2018 г.

Основными партнёрами КНДР по импорту являлись около 30 стран. В целом на топ-10 стран приходилось от 91,4% (2009 г.) до 98,9% (2017 г.). На протяжении всего исследуемого периода главным поставщиком товаров в КНДР был Китай, удельный вес которого колебался от 44,7% (1,4 млрд долларов) до 93,1% (3,2 млрд долларов) (рис. 6), достигнув в среднем за период 75,6% (2,7 млрд долларов).

Рис. 6. Доли основных торговых партнёров в совокупном объёме товарного импорта КНДР в 2007–2018 гг., %

В течение всего рассматриваемого периода только три государства входили в топ-10 источников импортных товаров для КНДР: Китай, Индия и Россия. Доли Индии и России были существенно ниже доли КНР. Так, удельный вес Индии колебался от 1,3% (31 млн долларов) до 24,9% (1,1 млрд долларов) со средним значением за период – 7,7% (279 млн долларов), России – от 1,3% (46 млн долларов) до 3,3% (104 млн долларов) со средним значением за период в 2% (73 млн долларов).

В 2007 г., как и в период до введения санкций, в структуре экспорта КНДР наибольший удельный вес приходился на промышленные товары (76,3%), среди которых 58,3% составляли машины и транспортное оборудование (рис. 7). При этом на детали и компоненты приходилось всего 5,1% (до введения санкций – 16,3%). Сырьевые товары составляли 21,7% объёма экспорта, из них 9,6% приходилось на топливо и 8,4% – на руды и металлы.

Рис. 7. Товарная структура внешней торговли КНДР в 2007 и 2018 г., %

В структуре импорта наибольшая доля приходилась на сырьевые товары (65,4%) с преобладанием в этой группе топлива (39,5%). Промышленные товары составляли 32,7% объема импорта, в том числе машины и транспортное оборудование – 11%. Текстильные волокна, пряжа, ткани и одежда – наименее значительная группа товаров как в структуре экспорта (4,5%), так и импорта (6,8%) КНДР.

В конце исследуемого периода в товарном экспорте КНДР по-прежнему преобладали промышленные товары, доля которых заметно выросла – до 85,4%. В импорте их удельный вес, наоборот, сократился (до 26,1%). Доля сырьевых товаров в экспорте существенно снизилась (до 14,3%), а в импорте заметно выросла (до 73,6%). При этом в структуре импорта произошло перераспределение удельного веса между топливом и рудами и металлами: доля последних увеличилась вдвое (до 18,6%). Незначительная доля текстиля снизилась как в экспорте, так и в импорте КНДР – до 2,6 и 4,6% соответственно.

Рассмотрим подробнее (по основным товарным группам) товарную структуру внешней торговли КНДР до и после ужесточения санкций в 2016–2017 гг. на примере её стратегических партнёров: КНР и РФ.

Китай. По данным Базы статистических данных ООН по торговле товарами (United Nations Commodity Trade Statistics Database, UN COMTRADE), экспорт товаров из КНДР в Китай снизился в 2019 г. по сравнению с 2015 г. в 11,9 раза – с 2,6 млрд до 216 млн долларов¹. В товарной структуре экспорта КНДР в Китай в 2015–2016 гг. преобладало топливо (*табл. 1*). Практически единственным товаром в данной группе был антрацит – 41,0% (1,05 млрд долларов) и 46,6% (1,18 млрд долларов) объема экспорта в 2015 и 2016 г. соответственно.

По итогам 2017 г., в связи с введением эмбарго на поставки угля, основным источником экспортных доходов КНДР стали предметы одежды: пальто, брюки, комбинезоны, пиджаки.

¹ Данные UN COMTRADE и UNCTAD не совпадают.

Таблица 1

Экспорт КНДР в КНР в 2015–2017 гг.

Товарная группа	2015		2016		2017	
	млн дол-ларов	% совокупного объёма	млн дол-ларов	% совокупного объёма	млн дол-ларов	% совокупного объёма
Топливо минеральное, нефть и продукты их перегонки; битуминозные вещества; воски минеральные	1 064,0	41,4	1 192,9	47,0	421,3	24,3
Предметы одежды и принадлежности к одежде, кроме трикотажных, машинного или ручного вязания	632,5	24,6	475,8	18,8	496,5	28,7
Руды, шлак и зола	204,7	8,0	226,8	8,9	187,2	10,8
Рыба и ракообразные, моллюски и прочие водные беспозвоночные	108,0	4,2	190,3	7,5	163,0	9,4
Чёрные металлы	—	—	—	—	59,3	3,4

Источник: здесь и далее, если не указано иное, составлено / рассчитано по данным UN COMTRADE. URL: <https://comtrade.un.org/data/> (дата обращения: 02.12.2020).

Так как полный запрет на экспорт угля из КНДР был введён с 5 августа 2017 г., поставки антрацита в КНР в 2017 г. всё же осуществлялись (23,7% совокупного объёма экспорта, или 410 млн долларов). По заявлениям Государственного департамента США, в настоящее время Китай в нарушение действующих санкций продолжает закупать уголь и прочие запрещённые товары из КНДР [20].

Товарная группа «руды, шлак и зола» занимала третье и четвертое место в экспорте КНДР в 2015–2019 гг. (табл. 1 и 2). Однако её состав по товарным позициям менялся в связи с введением запретов СБ ООН. Так, в 2015–2017 гг. группа была в основном представлена железной рудой и её концентратами, свинцом.

В 2015 г. на драгоценные металлы (кроме серебра) в структуре экспорта приходилось 1,2% (31 млн долларов). После введения эмбарго в 2016 г. их место занял цинк (2%, или 51 млн долларов). В 2018–2019 гг. в связи с новыми запретами СБ ООН данная группа товаров состояла только из вольфрама и молибдена.

Также в связи с ужесточением санкций в экспорте 2018–2019 гг. не были представлены предметы одежды и рыба, моллюски и ракообразные.

Однако ряд экспертов утверждают [20; 24], что несмотря на санкции СБ ООН, неофициальный экспорт вышеуказанных товаров (наряду с полезными ископаемыми) продолжается путём незаконной морской перевалки.

После ужесточения санкций чёрные металлы стали занимать более существенную позицию в поставках из КНДР. Так, в 2017 г. на них приходилось 3,4% (59 млн долларов), в том числе на чугун – 1,9% (33 млн долларов). В 2018 и 2019 г. доля металлов выросла до 15,0 и 15,7% соответственно, однако, стоимость упала до 32 и 34 млн долларов соответственно. Кроме того, основной товарной позицией стал ферросилиций (в связи с введением запрета на чугун), на который пришлось 27 млн (12,4%) и 29 млн долларов (13,7%) соответственно.

Таблица 2

Экспорт КНДР в КНР в 2018–2019 гг.

Товарная группа	2018		2019	
	млн дол-ларов	% сово-купного объёма	млн дол-ларов	% сово-купного объёма
Топливо минеральное, нефть и продукты их перегонки; битуминозные вещества; воски минеральные	11,4	5,3	11,4	5,3
Руды, шлак и зола	25,4	11,9	21,5	10,0
Чёрные металлы	31,9	15,0	33,9	15,7
Часы всех видов и их части	31,3	14,7	49,5	23,0
Обработанные перья и пух и изделия из перьев или пуха; искусственные цветы; изделия	24,2	11,3	34,1	15,8
Инструменты и аппараты оптические, фотографические, кинематографические, измерительные, контрольные, прецизионные, медицинские или хирургические; их части и принадлежности	10,0	4,7	16,4	7,6

Санкционный режим также привёл к тому, что около половины объёма экспорта КНДР по итогам 2019 г. составили три товарные группы, на которые в 2015 г. приходилось менее 0,1%: «часы всех видов и их части»; «обработанные перья и пух и изделия из перьев или пуха; искусственные цветы; изделия»; «инструменты и аппараты оптические, фотографические, кинематографические, измерительные, контрольные, прецизионные, медицинские или хирургические; их части и принадлежности».

В первой группе основным товаром были часовые механизмы (22,8% объёма экспорта, или 49 млн долларов). Вторая группа была представлена такими товарами, как парики, накладные бороды, брови и ресницы (13,6%, или 29 млн долларов). Наконец, третья группа была полностью представлена приборами, аппаратурой и моделями, предназначенными для демонстрационных целей, например, при обучении или экспонировании (7,6%, или 16 млн долларов).

Что касается топлива, приносившего до ужесточения санкций наибольший доход (более 1 млрд долларов) в государственную казну КНДР, в 2018–2019 гг. объём поставок в рамках данной группы товаров составил 11,4 млн долларов (5,3%). Единственным товаром в группе была электроэнергия, на которую санкции не распространяются.

Импорт КНДР в целом и из КНР в частности снизился не так значительно, как экспорт. Максимальное значение стоимостного объёма за исследуемый период было достигнуто в 2017 г. (3,2 млрд долларов), минимальное – в 2018 г. (2,2 млрд долларов). В конце периода наблюдался незначительный рост поставок на 16,7% (до 2,6 млрд долларов).

Товарная структура импорта КНДР из Китая была более диверсифицирована, чем структура экспортных потоков. Так, на три лидирующих группы приходилась примерно четверть стоимости всех закупок. В 2015–2017 гг. в структуре импорта преобладали электрические машины и оборудование (*табл. 3*), представленные в основном сотовыми телефонами, аппаратурой для телевизионной связи и двигателями постоянного тока.

Таблица 3

Импорт КНДР из КНР в 2015–2017 гг.

Товарная группа	2015		2016		2017	
	млн дол-ларов	% совокупного объема	млн дол-ларов	% совокупного объема	млн дол-ларов	% совокупного объема
Электрические машины и оборудование, их части; звукозаписывающая и звуковоспроизводящая аппаратура, аппаратура для записи и воспроизведения телевизионного изображения и звука, их части и принадлежности	331,7	11,3	281,8	9,9	332,8	10,3
Реакторы ядерные, котлы, оборудование и механические устройства; их части	251,5	8,5	237,8	8,4	248,2	7,6
Средства наземного транспорта, кроме железнодорожного или трамвайного подвижного состава, и их части и принадлежности	196,1	6,7	249,6	8,8	200,9	6,2
Пластмассы и изделия из них	167,9	5,7	177,3	6,2	227,8	7,0
Химические нити; плоские и аналогичные нити из химических текстильных материалов	151,6	5,2	175,1	6,2	214,2	6,6
Топливо минеральное, нефть и продукты их перегонки; битуминозные вещества; воски минеральные	147,7	5,0	138,5	4,9	69,4	2,1

В товарной группе «реакторы ядерные, котлы, оборудование и механические устройства; их части» основной товарной позицией были компьютеры. На них приходилось 1,2% (36 млн долларов), 1,3% (38 млн долларов) и 0,9% (30 млн долларов) совокупной стоимости импорта в 2015, 2016 и 2017 г. соответственно.

В группе средств наземного транспорта в 2015 и 2016 г. основной товарной позицией были грузовые транспортные средства с массой более 20 т, на которые приходилось 2,5% (73 млн долларов) и 3,6% (103 млн долларов) соответственно. В 2017 г. в связи с ужесточением санкций лидерство перешло к мотоциклам и велосипедам, доля которых составила 1,2% (38 млн долларов).

Запреты со стороны СБ ООН привели к тому, что в структуре импорта 2018–2019 гг. три вышеупомянутых товарных группы не были представлены. Одновременно возросли доля и стоимость пластмасс и изделий из них: с 5,7% (168 млн долларов) в 2015 г. до 10,6% (275 млн долларов) в 2019 г. (табл. 3 и 4).

Основной товарной позицией на протяжении пяти рассматриваемых лет были покрытия для пола, стен или потолков. На них приходилось от 0,8% (24 млн долларов) в 2015 г. до 1,2% (32 млн долларов) в 2019 г. Нарастание импорта указанных товаров свидетельствует о том, что строительство туристических объектов и многоквартирных жилых домов в крупных городах на территории КНДР продолжалось [24].

Таблица 4

Импорт КНДР из КНР в 2018–2019 гг.

Товарная группа	2018		2019	
	млн дол- ларов	% сово- купного объёма	млн дол- ларов	% сово- купного объёма
Пластмассы и изделия из них	220,7	9,9	274,6	10,6
Химические нити; плоские и аналогичные нити из химических текстильных материалов	138,3	6,2	189,3	7,3
Жиры и масла животного или растительного происхождения и продукты их расщепления; готовые пищевые жиры; воски животного или растительного происхождения	155,7	7,0	143,8	5,6
Съедобные фрукты и орехи; кожура цитрусовых плодов или корки дынь	82,5	3,7	–	–
Топливо минеральное, нефть и продукты их перегонки; битуминозные вещества; воски минеральные	23,8	1,1	28,6	1,1

Следующая товарная группа, доля и стоимость которой возросли, – химические нити. Основной товар этой группы – ткани из синтетических комплексных нитей. На них приходилось от 2,7% (80 млн долларов) в 2015 г. до 3,6% (93 млн долларов) в 2019 г. Рост импорта сырья для текстильной промышленности может означать, что неофициальный экспорт текстиля и одежды из КНДР продолжается [24].

В отличие от двух вышеупомянутых групп доля и стоимость закупок топлива из КНР значительно снизились в связи с введением и ужесточением международных санкций. Основная товарная позиция – нефть и нефтепродукты – не менялась в течение исследуемого периода. В 2015 г. её поставки составили 2,3% (66 млн долларов) объёма импорта из КНР, в 2019 г. – 0,5% (12 млн долларов). При этом объём закупок упал с 123 тыс. т нефтепродуктов (2015 г.) до 11 тыс. т (по данным Комитета 1718 – 23 тыс. т¹) (2019 г.).

Импортируемые в настоящее время объёмы нефти и нефтепродуктов соответствуют примерно четвертой части от уровня потребления до введения санкций [3]. Экономика КНДР страдает от хронической нехватки электроэнергии и топлива со времён распада СССР. По данным Международного энергетического агентства Организации экономического сотрудничества и развития, в 2016 г. электроэнергию получали только 27% населения страны. Большинство районов за пределами столицы получают мало электроэнергии, за исключением промышленных зон вблизи границы с КНР, которые импортируют электроэнергию из китайской сети. Даже в г. Пхеньяне подача электроэнергии строго нормирована и осуществляется по графику. В жилых домах столицы свет отключают в 23:00 и возобновляют подачу электричества в 5:00 [5]. Запрет на поставки оборудования из-за рубежа также крайне негативно повлиял на создание новых электрогенерирующих мощностей. Однако эксперты считают [28; 29], что КНДР способна справиться со снижением поставок энергоносителей благодаря повышению эффективности конечного использования, прямому сокращению потребления энергии и переходу на

¹ Рассчитано по данным СБ ООН. URL: <https://www.un.org/securitycouncil/ru/sanctions/1718/supply-sale-or-transfer-of-all-refined-petroleum> (дата обращения: 12.08.2020).

альтернативные источники (например, производство жидкого топлива из угля¹). Указанные меры позволят поддерживать рост экономики КНДР текущими темпами.

Следует учитывать, что несмотря на санкции, неофициальный импорт сырой нефти и нефтепродуктов продолжается путём незаконной морской перевалки [20; 22; 24; 26; 29]. Так, в 2019 г. США зарегистрировали 555 случаев поставки запрещённых товаров из КНДР в Китай.

Наконец, в течение рассматриваемого периода вырос импорт продовольственных товаров. В группе жиров и масел животного или растительного происхождения преобладало соевое масло. Его доля колебалась от 3,1% (101 млн долларов) до 4,5% (116 млн долларов). В то же время товарная группа съедобных фруктов и орехов была в основном представлена яблоками (2,2%, или 50 млн долларов). Поскольку северокорейские фирмы столкнулись с трудностями в получении иностранной валюты, они стали импортировать больше продуктов питания, чтобы получить валюту от граждан КНДР² [23].

Санкции негативно сказались на внешней торговле КНДР с Китаем. За последние пять лет экспорт сократился почти в 12 раз, а поставок несанкционированных товаров (часовых механизмов, париков, накладных ресниц, ферросилиция, вольфрама, молибдена и пр.) недостаточно для получения иностранной валюты. В то же время импорт снизился незначительно, что в 2019 г. привело к рекордному дефициту в 2,4 млрд долларов. Структура импорта также изменилась: поставки оборудования и транспортных средств – под запретом, закупки нефти и нефтепродуктов – жёстко регламентированы. Изменения в импорте КНДР можно интерпретировать двояко: с одной стороны, были прекращены закупки капитальных товаров, связанных с промышленным производством, что связано с санкциями; с другой стороны, рост импорта продовольственных товаров происходил с целью получения иностранной валюты от северокорейских граждан и направления её властям.

Россия. Экспорт КНДР в Россию снизился в 2019 г. по сравнению с 2015 г. в 1,9 раза – с 5,7 до 3 млн долларов. При этом динамика товаропотоков в исследуемый период была крайне нестабильна: максимальное значение показателя (10,6 млн долларов) было отмечено в 2016 г., минимальное (2 млн долларов) – в 2018 г.

В структуре экспорта КНДР в РФ в 2015 и 2017 г. преобладали предметы одежды (*табл. 5*). На них приходилась примерно треть стоимости всех поставок.

Резкое снижение доли данной группы в 2016 г. не было связано с существенным падением стоимости товаров. Как отмечалось выше, в 2016 г. объём экспорта КНДР в РФ был максимальным. В группе были представлены следующие товары: костюмы; брюки, комбинезоны и пальто. С сентября 2017 г. экспорт текстильных изделий из КНДР был запрещён.

Группа товаров «рыба и ракообразные, моллюски и прочие водные беспозвоночные» занимала второе место в экспорте КНДР в РФ в 2015 и 2016 г. (29,5 и 26,6% соответственно). Однако с августа 2017 г. эта категория товаров оказалась под запретом. До введения санкций единственной товарной позицией в группе была мороженная рыба.

Наибольший доход в казну КНДР по итогам торговли с РФ в 2016 г. принесли «средства наземного транспорта, кроме железнодорожного или трамвайного подвижного состава, и их части и принадлежности». Основным товаром в группе были комплектующие: на них пришлось 32% (3,4 млн долларов).

¹ Хыннамский завод по производству химических удобрений перешёл на систему газификации антрацита (раньше работал за счёт поставок нефти). В перспективе планируется создание синтетического горючего на основе угля [13].

² По мнению Посла РФ в КНДР А. Мацегоры, «в стране самым активным образом используют денежную единицу государства, которое называют злейшим врагом». URL: https://dprk.mid.ru/ru/embassy/novosti_posolstva/k_rossiyanam_simpatiya_osobaya_posol_rossii_v_kndr_aleksandr_matsegora_o_tom_kak_vyzhivaet_strana_ch/ (дата обращения: 09.12.2020).

Таблица 5

Экспорт КНДР в РФ в 2015–2017 гг.

Товарная группа	2015		2016		2017	
	млн дол-ларов	% совокупного объёма	млн дол-ларов	% совокупного объёма	млн дол-ларов	% совокупного объёма
Предметы одежды и принадлежности к одежде, кроме трикотажных машинного или ручного вязания	1,7	30,0	1,3	11,8	1,2	31,8
Рыба и ракообразные, моллюски и прочие водные беспозвоночные	1,7	29,5	2,8	26,6	–	–
Инструменты музыкальные; их части и принадлежности	1,1	19,0	1,1	10,3	1,0	26,6
Средства наземного транспорта, кроме железнодорожного или трамвайного подвижного состава, и их части и принадлежности	–	–	3,7	34,7	–	–
Прочие химические продукты	–	–	–	–	0,4	9,7
Изделия из чёрных металлов	–	–	–	–	0,2	5,0

Санкционный режим привёл к тому, что основным источником дохода для северокорейских фирм при торговле с Россией стала поставка музыкальных инструментов. Так, в 2017 г. на данную группу товаров приходилось 26,6% совокупного объёма экспорта (981 тыс. долларов). Экспортировались в основном духовые музыкальные инструменты (аккордеоны) – 945 тыс. долларов (25,6% совокупного объёма экспорта). Стоит отметить, что в 2015 и 2016 г. стоимостной объём экспорта духовых музыкальных инструментов составлял 1,03 и 1,04 млн долларов соответственно (см. *табл. 5*). Резкий рост доли и стоимости указанных товаров произошёл в 2018–2019 гг. Наибольший удельный вес (72,3%, или 1,4 млн долларов) был достигнут в 2018 г., наибольшая стоимость (1,6 млн долларов, или 52,4%) – в 2019 г. (*табл. 6*). Товарная структура в рамках группы при этом не изменилась: на духовые музыкальные инструменты пришлось 68,3% (1,35 млн долларов) и 50,5% (1,53 млн долларов) совокупного объёма экспорта в 2018 и 2019 г. соответственно.

Второй по значимости группой товаров по итогам 2018 г. стали «пластмассы и изделия из них», на которые пришлось 10,6% (0,2 млн долларов). Основной товар – полипропилен (9,1%, или 180 тыс. долларов). По итогам 2019 г. данная товарная группа была слабо представлена (1,1%, или 34 тыс. долларов). Её место заняли «реакторы ядерные, котлы, оборудование и механические устройства; их части» и «фармацевтическая продукция».

Среди оборудования доминирующей товарной позицией были насосы и компрессоры. На них пришлось 16% совокупного объёма экспорта 2019 г. (486 тыс. долларов). Фармацевтическая продукция была полностью представлена вакцинами для людей (0,4 млн долларов, или 13,9% совокупного стоимостного объёма экспорта 2019 г.).

Что касается импорта КНДР из России, то падение произошло в 1,7 раза (с 78,3 млн долларов в 2015 г. до 44,9 млн долларов в 2019 г.). Как и в случае с Китаем, внешнюю торговлю КНДР с РФ на протяжении исследуемого периода характеризовал хронический дефицит. Однако вследствие резкого падения объёмов северокорейского импорта он сократился с 72,6 млн долларов в 2015 г. до 41,8 млн долларов в 2019 г.

Таблица 6

Экспорт КНДР в РФ в 2018–2019 гг.

Товарная группа	2018		2019	
	млн долларов	% совокупного объёма	млн долларов	% совокупного объёма
Инструменты музыкальные; их части и принадлежности	1,4	72,3	1,6	52,4
Средства наземного транспорта, кроме железнодорожного или трамвайного подвижного состава, и их части и принадлежности	0,1	5,5	–	–
Пластмассы и изделия из них	0,2	10,6	0,0	1,1
Реакторы ядерные, котлы, оборудование и механические устройства; их части	0,1	5,5	0,6	19,3
Фармацевтическая продукция	–	–	0,4	13,9

Бесспорное лидерство в структуре импорта КНДР из РФ принадлежало группе топливных товаров (*табл. 7 и 8*). В 2015–2017 гг. на них приходилось более 80% стоимостного объёма импорта (от 57,6 до 65,1 млн долларов). Основным товаром в группе был уголь битуминозный: на него пришлось 57,1% (45 млн долларов), 74,8% (51 млн долларов) и 52,6% (40 млн долларов) совокупного стоимостного объёма импорта в 2015, 2016 и 2017 г. соответственно. В 2018–2019 гг. удельный вес и стоимость энергоносителей значительно снизились, а товарная структура в рамках группы изменилась в связи с запретами СБ ООН. Так, стоимость закупок нефти и нефтепродуктов в 2018 г. сократилась в 2,9 раза по сравнению с 2017 г. – с 62 до 21,6 млн долларов.

Так как поставки угля оказались под санкциями¹, основным импортным товаром из России стали лёгкие дистилляты. Их удельный вес равнялся 56,9% (18,3 млн долларов) и 52,6% (23,6 млн долларов) совокупного стоимостного объёма импорта в 2018 и 2019 г. соответственно. Стоит отметить, что Россия стала крупнейшим поставщиком нефти и нефтепродуктов на рынок КНДР после введения санкций.

В импорте КНДР из РФ в 2018–2019 гг., как и в случае с КНР, выросли доля и стоимость продовольственной продукции, которая также была реализована на местном рынке с целью получения твёрдой валюты от населения.

На три группы товаров приходилась четверть стоимости всех поставок (*табл. 8*). Группа «злаки» была полностью представлена пшеницей и меслином. Резкий рост стоимости импорта (в 3,3 раза) в 2019 г. по сравнению с 2018 г. был частично обусловлен неурожаем зерновых в КНДР в 2019 г. Мука пшеничная или пшенично-ржаная – единственный товар в группе мукомольно-крупяной продукции. Стоимость её закупок в 2019 г. по сравнению с 2018 г. также существенно выросла (в 1,4 раза) вследствие неурожая.

¹ Отметим, что перевозка российского угля в третьи страны в рамках проекта «Хасан – Раджин» не попадает под действие санкций СБ ООН. Однако российские компании прекратили поставки, опасаясь санкций со стороны США [16].

Таблица 7

Импорт КНДР из РФ в 2015–2017 гг.

Товарная группа	2015		2016		2017	
	млн дол-ларов	% совокупного объема	млн дол-ларов	% совокупного объема	млн дол-ларов	% совокупного объема
Топливо минеральное, нефть и продукты их перегонки; битуминозные вещества; воски минеральные	65,1	83,2	57,6	84,3	62,0	82,3
Злаки	2,7	3,5	–	–	–	–
Продукция мукомольно-крупяной промышленности; солод; крахмалы; инулин; пшеничная клейковина	2,3	2,9	3,4	5,0	2,3	3,1
Рыба и ракообразные, моллюски и прочие водные беспозвоночные	2,0	2,6	2,1	3,1	2,4	3,2
Жиры и масла животного или растительного происхождения и продукты их расщепления; готовые пищевые жиры; воски животного или растительного происхождения	–	–	–	–	3,0	3,9

Таблица 8

Импорт КНДР из РФ в 2018–2019 гг.

Товарная группа	2018		2019	
	млн дол-ларов	% совокупного объема	млн дол-ларов	% совокупного объема
Топливо минеральное, нефть и продукты их перегонки; битуминозные вещества; воски минеральные	21,6	67,3	27,2	60,6
Злаки	1,2	3,6	3,8	8,4
Продукция мукомольно-крупяной промышленности; солод; крахмалы; инулин; пшеничная клейковина	2,4	7,4	3,4	7,6
Жиры и масла животного или растительного происхождения и продукты их расщепления; готовые пищевые жиры; воски животного или растительного происхождения	4,2	13,0	4,2	9,4
Фармацевтическая продукция	1,4	4,3	2,5	5,6

В условиях ужесточения международных санкций руководство КНДР решило сделать максимальный упор на концепцию «чучхе». При этом для решения продовольственной проблемы предполагается «получение высокоурожайных сортов, соответствующих местным условиям», а также «активное внедрение современных технологий» для повышения производительности в сельском хозяйстве [13].

Наконец, в группе растительных масел преобладало соевое масло: 7,7% совокупного стоимостного объёма импорта 2018 г. (2,5 млн долларов) и 9,4% – 2019 г. (весь объём поставок в рамках группы – 4,2 млн долларов).

Импорт лекарственных средств в 2019 г. вырос в 1,8 раза по сравнению с 2018 г. Фармацевтическая продукция из РФ была представлена в основном витаминами и их производными (в 2018 г. – 1,1 млн долларов, или 3,5%; в 2019 г. – 2 млн долларов, или 4,6%).

Как и в случае с Китаем, международные санкции негативно сказались на северокорейской внешней торговле с РФ. Экспорт КНДР сократился почти вдвое, импорт – в 1,7 раза. В течение всего рассматриваемого периода сохранялся хронический дефицит внешнеторгового оборота. Однако, в отличие от торговли с КНР, дефицит товарооборота с Россией сократился вследствие сжатия северокорейского импорта. В настоящее время КНДР поставляет в РФ узкий список несанкционных товаров (музыкальные инструменты, насосы, вакцины и пр.), которые не всегда соответствуют требованиям российского рынка и не всегда обладают высоким качеством [8]. Структура импорта также подверглась изменениям, но лидирующую позицию в ней по-прежнему занимает топливо. Россия является главным поставщиком нефти и нефтепродуктов в КНДР (объёмы поставок находятся в пределах, регламентированных СБ ООН). Рост импорта продовольственных товаров происходил, во-первых, с целью получения иностранной валюты от северокорейских граждан, во-вторых, вследствие неурожая зерновых в КНДР в 2019 г.

Перспективы российско-корейского сотрудничества

«Стратегия экономического развития страны на 2016–2020 гг.» предполагает достижение самообеспеченности КНДР в как можно большем количестве сфер за счёт мобилизации внутренних резервов с упором на науку и технику [13]. Также приоритетным является расширение внешнеэкономических связей на основе их диверсификации.

Как отмечалось выше, более 90% внешнеторгового оборота КНДР приходится на Китай. Руководство страны, осознавая уязвимость такого положения, надеется на расширение круга партнёров за счёт сотрудничества с Россией прежде всего в сфере ТЭК. В настоящее время Россия и Китай выступают единственными поставщиками продуктов переработки нефти в КНДР (в пределах, установленных Комитетом 1718).

Для КНДР свойственна хроническая нехватка электроэнергии. На российском Дальнем Востоке она, наоборот, имеется в избытке. Поэтому весьма перспективными выглядят поставки на территорию КНДР электроэнергии, не подпадающей под действие санкций, в первую очередь в приграничный Раджин, где функционирует торгово-экономическая зона «Расон»¹ (далее – Расон) и ранее осуществлялся совместный проект «Хасан – Раджин». Также возможен экспорт российской электроэнергии в Республику Корея через территорию КНДР [3; 31]. Однако взаимодействие в электроэнергетической сфере сталкивается со следующими проблемами: неудовлетворительное состояние северокорейской сети ЛЭП; устаревшее и изношенное оборудование на большинстве электростанций [3; 28]; вопросы экономической эффективности и распределения инвестиций, а также высокий политический риск [19].

Проекты трёхстороннего (РФ, КНДР и Республика Корея) инфраструктурного сотрудничества в разных сферах (транспортные и электрические сети, газопроводы и др.) обсуждаются давно [1; 2; 14; 17; 18; 30]. Это обусловлено наличием в трёх странах взаимодополняющих ресурсов: дешёвая рабочая сила и минеральное сырьё КНДР, природные ресурсы России,

¹ Подробнее см. в [4].

передовые технологии и финансовые ресурсы Республики Корея. Кроме того, трёхстороннее сотрудничество может способствовать снижению напряжённости и решению ядерной проблемы Корейского полуострова. Однако имеется ряд ограничивающих сотрудничество факторов (помимо санкционного режима): конкуренция со стороны Китая, отсутствие финансовой поддержки, несоответствие интересов России и Республики Корея, неоднозначное определение принципов и направлений трёхстороннего сотрудничества, чрезмерное внимание к «горстке мегапроектов» [30; 33].

В случае отмены международных санкций перспективным становится осуществление совместных проектов на территориях с особым режимом хозяйствования (например, Расон, Кэсонский промышленный комплекс¹ и другие зоны экономического развития на территории КНДР; Свободный порт Владивосток, территории опережающего социально-экономического развития на российском Дальнем Востоке и особые экономические зоны на остальной территории РФ). Так, согласно опросу, проведённому среди 167 южнокорейских компаний, почти 75% респондентов были готовы инвестировать в КНДР (в частности, вернуться в Кэсонский промышленный комплекс), если бы санкции были сняты [27].

Также эксперты [30] считают перспективными следующие направления сотрудничества: лесной комплекс, рыбная и строительная отрасли, сельское хозяйство, горнодобывающие проекты и туризм.

До введения международных санкций Россия активно привлекала рабочую силу из КНДР². До принятия резолюции 2397 (2017)³ на территории РФ находились 32 тыс. северо-корейских рабочих, из них примерно 14 тыс. человек работали на Дальнем Востоке, остальные – в городах: Москва, Санкт-Петербург, Иркутск, Красноярск, Омск, Екатеринбург [32]. Около 80% северо-корейских трудовых мигрантов были заняты в строительной отрасли. Репатриация граждан КНДР в соответствии с требованиями СБ ООН существенно сказалась на строительной отрасли Приморского края, где застройщики особенно ценили дисциплинированность, ответственность и трудолюбие северо-корейских рабочих [21]. Несмотря на заявления российских властей о том, что все граждане КНДР, с которыми были заключены временные трудовые контракты, покинули территорию нашей страны, Государственный департамент США продолжает обвинять РФ и КНР в несоблюдении международных санкций. Так, заместитель помощника госсекретаря США по делам Северной Кореи А. Вон заявил, что на территории России и Китая северо-корейские граждане продолжают работать по туристическим и учебным визам.

В целом перспективы сотрудничества с КНДР (как двустороннего, так и трёхстороннего), которое в настоящее время ограничивается в основном гуманитарной помощью и торговлей узкой номенклатурой незапрещённых товаров, связаны с отменой международных санкций.

Заключение

Север и Юг Корейского полуострова развиваются отдельно на протяжении 70 лет. За этот период КНДР не удалось успешно «встроиться» в процессы международного экономического сотрудничества в регионе и мире. Единственной многосторонней структурой, в которой участвует республика, в настоящее время является Экономическая и социальная комиссия

¹ Подробнее см. в [4; 9; 11].

² Граждане КНДР трудились и в других странах: 50 тыс. рабочих находились в Китае; в Кувейте и Монголии работали около 4 тыс. человек, в Катаре – 2,5 тыс., в ОАЭ – 2 тыс. В странах ЕС находились от нескольких сотен до нескольких тысяч граждан КНДР [21; 25].

³ Согласно резолюции, государства-члены ООН были обязаны репатриировать всех граждан КНДР, получающих доход на их территории, в течение 24 месяцев – до 22 декабря 2019 г.

ООН для Азии и Тихого Океана (Субрегиональное отделение для Восточной и Северо-Восточной Азии). Что касается внешнеэкономического сотрудничества КНДР, то в соответствии с резолюциями СБ ООН действуют санкции, предполагающие полный запрет на вывоз из страны основных экспортных товаров, ограничения на импорт нефтепродуктов и использование за рубежом северокорейской рабочей силы. Введённые США и их союзниками «вторичные» расширительные санкции направлены на полную финансовую изоляцию КНДР, организацию её торговой и морской блокады.

До введения санкций внешняя торговля КНДР характеризовалась в целом положительным трендом. В географической структуре экспортных товарных потоков лидерство принадлежало Японии, Мексике и Китаю, в импортных – Китаю, России и Германии. В товарной структуре экспорта КНДР на протяжении всего исследуемого периода преобладали промышленные товары, в импорте их доля существенно снизилась к концу периода, уступив первенство группе сырьевых товаров.

Введение международных санкций и обострение отношений между Севером и Югом оказало значительный негативный эффект на внешнюю торговлю КНДР. Стоит отметить, что до 2013 г. (первое закрытие Кэсонского промышленного комплекса) в целом наблюдался положительный тренд, однако, ужесточение санкций и нивелирование торговли с Югом привели к сжатию экспортно-импортных операций страны. Так, экспорт из КНДР в Китай (ключевой партнёр, на которого приходится более 90% товарооборота) после введения санкций сократился в 12 раз. Значительного сжатия импорта из КНР не произошло, что привело к рекордному торговому дефициту – 2,4 млрд долларов.

Возможности восстановления внешнеэкономических отношений КНДР и развитие сотрудничества с другими странами (в том числе с Россией) тесно связаны с решением ядерной проблемы и отменой международных санкций.

Список литературы

1. Асмолов К.В., Захарова Л.В. Отношения России с КНДР в XXI веке: итоги двадцатилетия // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2020. Т. 20. № 3. С. 585–604. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-0660-2020-20-3-585-604>
2. Бардаль А.Б., Демьяненко А.Н., Дёмина О.В., Дёмина Я.В., Ломакина Н.В., Минакир П.А. К вопросу о трёхстороннем экономическом сотрудничестве Республики Корея, КНДР и России // Регионалистика. 2018. Т. 5. № 6. С. 18–36. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2018.6.18>
3. Дёмина О.В. Перспективы развития российских энергетических проектов на Корейском полуострове // Власть и управление на Востоке России. 2020. № 3 (92). С. 8–19. <http://dx.doi.org/10.22394/1818-4049-2020-92-3-8-19>
4. Дёмина Я.В. Зоны экономического развития КНДР: перспективы функционирования в условиях санкций // Регионалистика. 2019. Т. 6. № 4. С. 64–75. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2019.4.64>
5. Жабин Н. Более 50% населения КНДР живёт без электроснабжения. URL: <https://neftegaz.ru/news/energy/451828-bolee-50-naseleniya-kndr-zhivet-bez-elektrosnabzheniya> (дата обращения: 03.12.2020).
6. Жебин А.З. Корея на распутье // КНДР и РК – 70 лет. М.: ИДВ РАН, 2018. С. 17–32.
7. Жебин А.З. США применяют против КНДР новое оружие – финансовое // Независимая газета. 2015. № 19 (6349). С. 1–2.
8. Забровская Л.В. Экономические связи российского Дальнего Востока с корейскими государствами // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 11. С. 114–121. <http://dx.doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-11-114-121>

9. Захарова Л.В. Внешнеэкономические связи КНДР в XXI веке и перспективы их развития при Ким Чен Ыне // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 4. С. 81–97.
10. Захарова Л.В. Внешнеэкономическое сотрудничество и его значение для экономики КНДР // КНДР и РК – 70 лет. М.: ИДВ РАН, 2018. С. 164–177.
11. Захарова Л.В. Межкорейские экономические связи после «санкций от 24 мая 2010 г.» // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 3. С. 101–111.
12. Захарова Л.В. Межкорейское «потепление» 2018 года и перспективы возобновления экономических отношений Севера и Юга // Корейский полуостров в поисках мира и процветания. Сборник трудов конференции в 2 т. Т. 1. М.: ИДВ РАН, 2019. С. 289–303.
13. Захарова Л.В. Экономика КНДР: взгляд изнутри // Азия и Африка сегодня. 2017. № 12. С. 38–45.
14. Захарова Л.В. Экономические отношения России и КНДР в XXI в. // Азия и Африка сегодня. 2015. № 5. С. 15–21.
15. Кирьянов О.В. Экономика КНДР в условиях жёсткого санкционного давления: особенности развития в 2016–2018 годы // Материалы VIII Международной корееведческой конференции. Владивосток: ДВФУ, 2019. С. 200–206.
16. Козлов Л.Е. Связи Дальнего Востока России и КНДР: история и современность // Корейский полуостров: история и современность. М.: ИДВ РАН, 2020. С. 192–200.
17. Кукла М.П. Реалии и перспективы экономического сотрудничества России и КНДР // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2017. № 2 (41). С. 61–71.
18. Мишин В.Ю. Россия – КНДР: взаимный поиск путей интеграции. Возможности и перспективы // Россия и АТР. 2016. № 2 (92). С. 62–71.
19. Синякова А.Ф. Энергетическое сотрудничество в СВА: перспективы азиатского энергокольца // Восточная Азия в меняющемся мире : Доклады, представленные на VI Международной конференции молодых востоковедов в Институте Дальнего Востока РАН (Москва, 29–30 ноября 2018 г.). М.: ИДВ РАН, 2019. С. 154–160.
20. Brunnstrom D. U.S. Accuses China of «Flagrant» N. Korea Violations, Offers \$5 Million Reward. URL: <https://www.reuters.com/article/usa-northkorea-china-idUSKBN28B540> (дата обращения: 17.12.2020).
21. Burghart S., Park D., Zakharova L. The DPRK's Economic Exchanges with Russia and the EU Since 2000: An Analysis of Institutional Effects and the Case of the Russian Far East // Asia Europe Journal. 2020. № 18. Pp. 281–303. <https://doi.org/10.1007/s10308-019-00544-4>
22. Byrne J., Byrne L. Sierra Leone Registers North Korea Linked Vessels in Potential Sanctions Breach. URL: <https://www.nknews.org/2018/02/sierra-leone-registers-north-korea-linked-vessels-in-potential-sanctions-breach/> (дата обращения: 27.11.2020).
23. Choi J. Assessment of North Korea's Trade with China in 2018 and Prospects for 2019 // KIEP Opinions. 2019. № 156. Pp. 1–5.
24. Choi J. North Korea's Trade with China in 2019 // KIEP Opinions. 2020. № 187. Pp. 1–4.
25. Chung C., Breuker R. Commentary: North Korea Farming Out Forced Labor to the European Union. URL: <http://www.reuters.com/article/us-north-korea-eu-commentary-idUSKCN0XN2PA> (дата обращения: 17.11.2020).
26. Cohen A. North Korea Illegally Trades Oil, Coal, with China's Help. URL: <https://www.forbes.com/sites/arielcohen/2019/03/21/north-korea-illegally-trades-oil-coal-with-chinas-help/?sh=78d5b0d0301a> (дата обращения: 23.11.2020).
27. Harris B., Hornby L., Sevastopulo D. Economic Scramble for North Korea Picks Up Pace. URL: <https://www.straitstimes.com/opinion/economic-scramble-for-north-korea-picks-up-pace> (дата обращения: 22.11.2020).

28. Hippel D., Hayes P. DPRK Investments in Coal Gasification Driven by Long-Run Juche and Sanctions Proofing. URL: <https://nautilus.org/napsnet/napsnet-special-reports/dprk-investments-in-coal-gasification-driven-by-long-run-juche-and-and-sanctions-proofing/> (дата обращения: 01.12.2020).
29. Hippel D., Hayes P. Energy Insecurity in the DPRK: Linkages to Regional Energy Security and the Nuclear Weapons Issue. URL: <https://nautilus.org/napsnet/napsnet-special-reports/energy-insecurity-in-the-dprk-linkages-to-regional-energy-security-and-the-nuclear-weapons-issue/> (дата обращения: 01.12.2020).
30. Lee J., Park J., Kim S., Mikheev V.V., Minakir P.A., Karaganov S.A., Kim N., Kang B., Kim Ch. Peace and Prosperity on the Korean Peninsula and South Korea – North Korea – Russia Trilateral Cooperation // World Economy Brief. 2019. Vol. 9. № 24. Pp. 1–7.
31. Lim H., Kim J. DPRK's Special Economic Zone Policies: Recent Development and Future Challenges // KIEP World Economy Update. 2015. Vol. 5. № 16. Pp. 1–5.
32. Lukin A., Zakharova L. Russia – North Korea Economic Ties: Is There More Than Meets the Eye? // Orbis. 2018. Vol. 62. Issue 2. Pp. 244–261. <https://doi.org/10.1016/j.orbis.2018.02.005>
33. Park J. New Approaches to the Trilateral Cooperation Between South Korea, North Korea and Russia // KIEP Opinions. 2019. № 162. Pp. 1–3.

References

1. Asmolov K.V., Zakharova L.V. Russia's Relations with the DPRK in the 21st Century: Results of the First 20 Years. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya* [Vestnik RUDN. International Relations]. 2020. Vol. 20. No. 3. Pp. 585–604. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-0660-2020-20-3-585-604> (In Russian)
2. Bardal A.B., Demyanenko A.N., Dyomina O.V., Dyomina Y.V., Lomakina N.V., Minakir P.A. About the Trilateral Economic Cooperation of Republic of Korea, DPRK, and Russia. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2018. Vol. 5. No. 6. Pp. 18–36. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2018.6.18> (In Russian)
3. Dyomina O.V. Prospects for Development of the Russian Energy Projects on the Korean Peninsula. *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia]. 2020. No. 3 (92). Pp. 8–19. <http://dx.doi.org/10.22394/1818-4049-2020-92-3-8-19> (In Russian)
4. Dyomina Ya.V. Economic Development Zones in the DPRK: Prospects Under International Sanctions. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2019. Vol. 6. No. 4. Pp. 64–75. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2019.4.64> (In Russian)
5. Zhabin N. 50% of the DPRK's Population Lives Without Electricity. Available at: <https://neftegaz.ru/news/energy/451828-bolee-50-naseleniya-kndr-zhivet-bez-elektrosnabzheniya> (accessed 3 December 2020). (In Russian)
6. Zhebin A.Z. Korea at the Crossroad. In: *The DPRK and the ROK: The 70th Anniversary of Foundation*. Moscow, 2018. Pp. 17–32. (In Russian)
7. Zhebin A.Z. USA Uses New Weapons Against North Korea – Financial. *Nezavisimaya gazeta* [Independent Newspaper]. 2015. No. 19 (6349). Pp. 1–2. (In Russian)
8. Zabrovskaya L.V. Economic Ties of the Russian Far East with the Korean States. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations]. 2019. Vol. 63. No. 11. Pp. 114–121. <http://dx.doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-11-114-121> (In Russian)
9. Zakharova L.V. Foreign Economic Relations of DPRK in XXI Century and Prospects of Their Development Under Kim Jong-Un. *Problemy Dal'nego Vostoka* [The Far Eastern Affairs]. 2013. No. 4. Pp. 81–97. (In Russian)
10. Zakharova L.V. Economic Cooperation with Foreign Countries and Its Role for the DPRK's Economy. In: *The DPRK and the ROK: The 70th Anniversary of Foundation*. Moscow, 2018. Pp. 164–177. (In Russian)

11. Zakharova L.V. Inter-Korean Economic Ties After the «Sanctions of May 24, 2010». *Problemy Dal'nego Vostoka* [The Far Eastern Affairs]. 2016. No. 3. Pp. 101–111. (In Russian)
12. Zakharova L.V. Inter-Korean «Detente» 2018 and Prospects of North – South Economic Relations Revival. In: *The Korean Peninsula in Search of Peace and Prosperity. Proceedings of the Conference in 2 Vols.* Vol. 1. Moscow, 2019. Pp. 289–303. (In Russian)
13. Zakharova L.V. The DPRK Economy: An Inside Look. *Aziya i Afrika segodnya* [Asia and Africa Today]. 2017. No. 12. Pp. 38–45. (In Russian)
14. Zakharova L.V. Russia – North Korea's Economic Relations in the XXIth Century. *Aziya i Afrika segodnya* [Asia and Africa Today]. 2015. No. 5. Pp. 15–21. (In Russian)
15. Kiryanov O.V. The Economy of the DPRK Under Severe Sanctions Pressure: Features of Development in 2016–2018. In: *Proceedings of the VIII International Korean Studies Conference.* Vladivostok, 2019. Pp. 200–206. (In Russian)
16. Kozlov L.E. The Contacts Between the Russian Far East and the DPRK: Past and Present. In: *The Korean Peninsula: History and Present Times.* Moscow, 2020. Pp. 192–200. (In Russian)
17. Kukla M.P. Realities and Prospects of the Russia – North Korea Economic Relations. *Oykumena. Regionovedcheskie issledovaniya* [Ojkumena. Regional Researches]. 2017. No. 2 (41). Pp. 61–71. (In Russian)
18. Mishin V.Yu. Russia – North Korea: Mutual Search of Integration Paths. Possibilities and Prospects. *Rossiya i ATR* [Russia and the Pacific]. 2016. No. 2 (92). Pp. 62–71. (In Russian)
19. Sinyakova A.F. Energy Cooperation in North – East Asia: Asian Energy Ring Prospects. In: *East Asia in a Changing World : Reports Presented at the VI International Conference of Young Orientalists at the Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences* (Moscow, November 29–30, 2018). Moscow, 2019. Pp. 154–160. (In Russian)
20. Brunnstrom D. *U.S. Accuses China of «Flagrant» N. Korea Violations, Offers \$5 Million Reward.* Available at: <https://www.reuters.com/article/usa-northkorea-china-idUSKBN28B540> (accessed 17 December 2020).
21. Burghart S., Park D., Zakharova L. The DPRK's Economic Exchanges with Russia and the EU Since 2000: An Analysis of Institutional Effects and the Case of the Russian Far East. *Asia Europe Journal.* 2020. No. 18. Pp. 281–303. <https://doi.org/10.1007/s10308-019-00544-4>
22. Byrne J., Byrne L. *Sierra Leone Registers North Korea Linked Vessels in Potential Sanctions Breach.* Available at: <https://www.nknews.org/2018/02/sierra-leone-registers-north-korea-linked-vessels-in-potential-sanctions-breach/> (accessed 27 November 2020).
23. Choi J. Assessment of North Korea's Trade with China in 2018 and Prospects for 2019. *KIEP Opinions.* 2019. No. 156. Pp. 1–5.
24. Choi J. North Korea's Trade with China in 2019. *KIEP Opinions.* 2020. No. 187. Pp. 1–4.
25. Chung C., Breuker R. *Commentary: North Korea Farming Out Forced Labor to the European Union.* Available at: <http://www.reuters.com/article/us-north-korea-eu-commentary-idUSKCN0XN2PA> (accessed 17 November 2020).
26. Cohen A. *North Korea Illegally Trades Oil, Coal, with China's Help.* Available at: <https://www.forbes.com/sites/arielcohen/2019/03/21/north-korea-illegally-trades-oil-coal-with-chinas-help/?sh=78d5b0d0301a> (accessed 23 November 2020).
27. Harris B., Hornby L., Sevastopulo D. *Economic Scramble for North Korea Picks Up Pace.* Available at: <https://www.straitstimes.com/opinion/economic-scramble-for-north-korea-picks-up-pace> (accessed 22 November 2020).
28. Hippel D., Hayes P. *DPRK Investments in Coal Gasification Driven by Long-Run Juche and Sanctions Proofing.* Available at: <https://nautilus.org/napsnet/napsnet-special-reports/dprk-investments-in-coal-gasification-driven-by-long-run-juche-and-and-sanctions-proofing/> (accessed 1 December 2020).

29. Hippel D., Hayes P. *Energy Insecurity in the DPRK: Linkages to Regional Energy Security and the Nuclear Weapons Issue*. Available at: <https://nautilus.org/napsnet/napsnet-special-reports/energy-insecurity-in-the-dprk-linkages-to-regional-energy-security-and-the-nuclear-weapons-issue/> (accessed 1 December 2020).
30. Lee J., Park J., Kim S., Mikheev V.V., Minakir P.A., Karaganov S.A., Kim N., Kang B., Kim Ch. Peace and Prosperity on the Korean Peninsula and South Korea – North Korea – Russia Trilateral Cooperation. *World Economy Brief*. 2019. Vol. 9. No. 24. Pp. 1–7.
31. Lim H., Kim J. DPRK's Special Economic Zone Policies: Recent Development and Future Challenges. *KIEP World Economy Update*. 2015. Vol. 5. No. 16. Pp. 1–5.
32. Lukin A., Zakharova L. Russia – North Korea Economic Ties: Is There More Than Meets the Eye? *Orbis*. 2018. Vol. 62. Issue 2. Pp. 244–261. <https://doi.org/10.1016/j.orbis.2018.02.005>
33. Park J. New Approaches to the Trilateral Cooperation Between South Korea, North Korea and Russia. *KIEP Opinions*. 2019. No. 162. Pp. 1–3.

■ ■ ■
Для цитирования:

Дёмина Я.В. Внешняя торговля КНДР: влияние санкций // Регионалистика. 2021. Т. 8. № 1. С. 5–28. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2021.1.5>

For citing:

Dyomina Ya.V. DPRK's Foreign Trade: The Impact of Sanctions. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2021. Vol. 8. No. 1. Pp. 5–28. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2021.1.5> (In Russian)